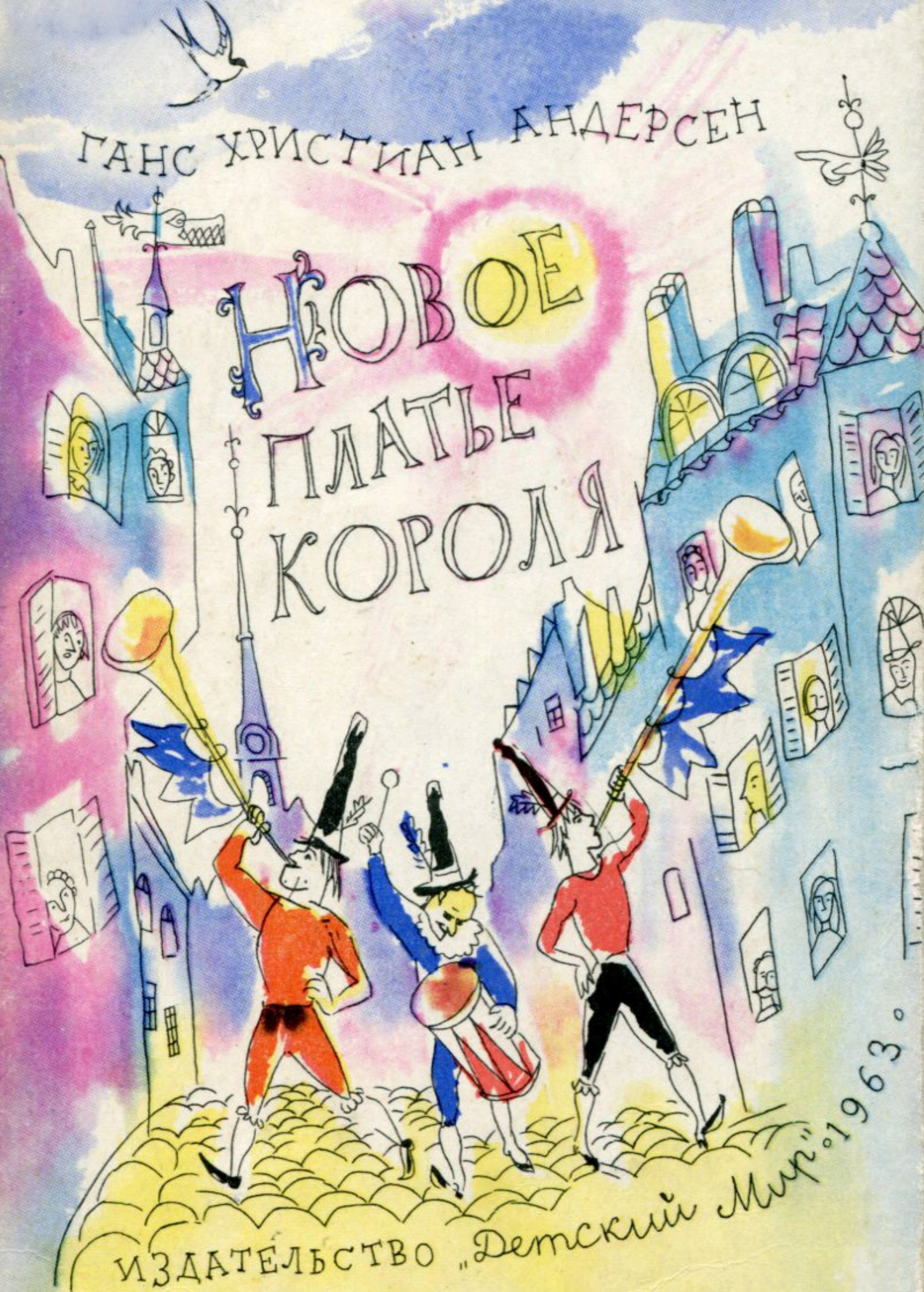

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Детский Мир" 1963.

ХУДОЖНИКИ
Г. А. В. Траурот

ГАНС ХРИСТИАН АНДЕРСЕН

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Детский Мир" 1963.

Много лет назад жил король, который так любил красивые и новые платья, что все свои деньги тратил на одежду. Он не заботился о своих войсках, не интересовался театром, не любил гулять, и если ходил на военные парады, в театр или на прогулку, то лишь

затем, чтобы показаться в новом
 платье. Для каждого часа суток
 у него был особый наряд; и если

о некоторых королях часто гово-
 рят: „Король в совете“, то о нём
 говорили: „Король в гардеробной“.

В том большом городе, где он жил, люди проводили время весело, и туда каждый день приезжали ино-

странцы. Однажды явились и два обманщика, которые выдавали себя за ткачей и уверяли, будто могут

выткать такую чудесную ткань, какой ещё свет не видывал. Не говоря уж о замечательно красивых красках и узоре этой ткани, сшитые из неё платья обладают удивитель-

ным свойством: их не может видеть человек, который не справляется со своими служебными обязанностями или же просто очень глуп,—для такого они превращаются в невидимки.

„Вот так платья! — подумал король, когда услышал об этом. — Надену такое и сразу узнаю, кто из моих подданных не справляется со своими обязанностями, а кроме того, смогу отличить умных от глупых.

Надо, чтобы для меня немедленно начали ткать эту ткань!" И он дал обманщикам много денег вперёд, с тем чтобы они тотчас приступили к работе.

Обманщики поставили два ткацких станка и стали делать вид, что работают, хотя на станках у них ровно ничего не было. То и дело требовали они тончайшей и отбор-

ной золотой пряжи, а получив её, прятали по карманам и продолжали работать на пустых станках; и так с утра и до поздней ночи.

„Хотелось бы мне знать, много ли они наткали“, — подумал король; но всё же ему было как-то не по себе при мысли о том, что ни один ду-

рак, ни один человек, который не справляется со своими обязанностями, не увидит ткани. Конечно, за себя ему нечего беспокоиться, думал он, но не лучше ли послать кого-нибудь другого посмотреть работу ткачей? Весь город знает, каким чудесным свойством обладает их ткань, и всем не терпится поскорее узнать, очень ли глуп и плох сосед.

„Пошлю-ка я к ткачам своего старого честного министра, — подумал король, — он лучше всех разбирается в достоинствах ткани. Он и умен, он и должности своей соответствует как нельзя лучше“.

И вот престарелый почтенный министр вошёл в зал, где перед

пустыми станками сидели обманщики; взглянул на станки и вытаращил глаза. „Боже мой! Что это такое? — думает. — Ничего не вижу! Никакой ткани!“ Однако он умолчал об этом.

Обманщики попросили его подойти поближе, для того-де, чтобы хорошенько рассмотреть красочный узор ткани, и принялись показывать пальцами в пустое пространство. Бедный старик только таращил глаза, но никакой ткани не видел, потому что её и не было!

„Боже мой! —подумал он. —Неужели я глуп? Вот никогда не подозревал! Но никто не должен об этом знать. Или, может быть, я не справляюсь со своими служебными

обязанностями? Нет, нельзя признаваться, что я не вижу ткани“.

—Ну, как ваше мнение? —спросил один из ткачей.

—Чудесно! Восхитительно! —ответил старик и сквозь очки устре-

мил глаза на пустые станки. — Какой узор, какие краски! Я передам королю, что ткань понравилась мне чрезвычайно!

— Очень приятно слышать! — сказали ткачи и стали подробно описывать ткань — и краски её и за-

тейливый узор. Старый министр внимательно слушал, чтобы потом в точности передать королю их слова.

Ткачи потребовали ещё денег, шёлка и золота, — для того-де, чтобы продолжать работу. Но, получив

всё это, положили себе в карман, а на станках не появилось ни одной нитки. По-прежнему обманщики ткали на пустых станках.

Немного погодя король послал другого почтенного сановника посмо-

треть, как подвигается работа и скоро ли будет готова ткань. Однако с ним случилось то же, что и с министром: он смотрел, но так ничего и не увидел, кроме пустых станков.

—Как хорош этот кусок ткани, правда? — воскликнули обманщики и принялись показывать пальцами на станок, расхваливая красивые узоры, которых и в помине не было.

„Я безусловно не глуп, — подумал сановник. — Но если так, значит, я не справляюсь со своими обязанностями? Вот так история! Однако я и виду не подам, что сам это понимаю“ — И он принялся расхваливать ткань, которой не видел,

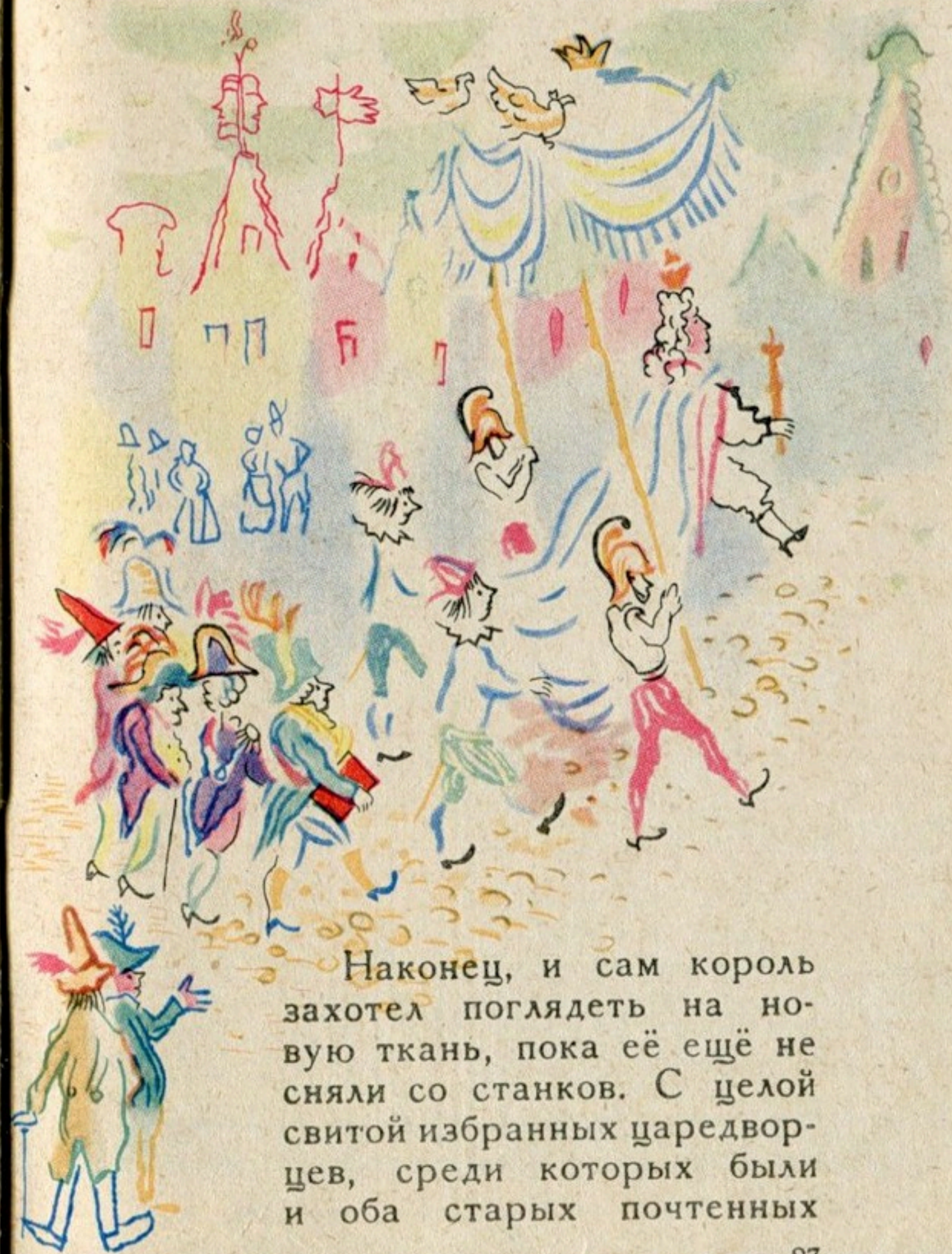

уверая, что это настоящее счастье — любоваться столь чудесными красками и узорами.

—Прелестно! — сказал и он королю.

Весь город только и говорил, что о великолепной ткани.

Наконец, и сам король захотел поглядеть на новую ткань, пока её ещё не сняли со станков. С целой свитой избранных царедворцев, среди которых были и оба старых почтенных

сановника, отправился он к хитрым обманщикам. А те „ткали“ с великим усердием, но по-прежнему на их станках не было ни единого волокна.

—Правда, великолепно? —воскликнули почтенные сановники, уже побывавшие здесь.— Не угодно ли вашему величеству обратить внимание на краски и узор?— И они показали на пустой станок, уверенные, что все присутствующие видят на нём ткань.

„Что такое?“ — подумал король. — Я ничего не вижу! Какой ужас! Значит, я глуп? Или я никуда не годный король? Это было бы хуже всего!“ Но вслух он сказал:
— Очень красиво! Подобное мас-

терство заслуживает величайшей похвалы!

И он с довольной улыбкой стал кивать головой, делая вид, что любит тканью, — ведь он не хотел признаться, что ничего не видит.

Свита его во все глаза глядела на станки, но видела не больше остальных; однако все твердили вслед за королём, что ткань превосходная, и советовали ему сшить себе из этой великолепной ткани платье для предстоящего торжественного шествия.

— О, как чудесно! Роскошно!

Изящно! —слышалось со всех сторон, и все выражали полное удовлетворение.

Король наградил обманщиков орденом, приказав носить его в петлице, и пожаловал им звание придворных ткачей.

Всю ночь перед торжеством обманщики работали при свете шест-

надцати свечей, ни разу даже не прилегли отдохнуть: ведь народ должен был видеть, что они заканчивают новое платье короля. Они сделали вид, что сняли ткань со станков, и принялись кроить воздух большими ножницами, а потом шить иголкой без нитки.

— Ну вот, платье готово! — сказали они, наконец.

Тогда король в сопровождении самых знатных своих придворных пришёл к ним, чтобы облачиться в новый наряд, а ткачи-обманщики протягивали руки, словно подавая ему что-то.

— Вот панталоны! Вот камзол! Вот мантия! — приговаривали они.
— И всё лёгонькое, как паутинка!

Наденешь — кажется, будто на теле ничего нет, но в этом-то и вся прелесть!

— Да! — в один голос подтвердили придворные, хотя никакого платья не видели, так как его и не было.

— Теперь пусть ваше величество соблаговолит снять с себя старое платье, — сказали обманщики. — Мы оденем вас в новое вот тут, перед большим зеркалом.

Король разделся догола, а обманщики сделали вид, будто одну за другой подают ему разные принадлежности его нового туалета, потом — будто прикрепляют ему длинный шлейф. А король поворачивался

во все стороны и вертелся перед зеркалом.

— Боже, как вам идёт это платье! Как оно чудесно сидит! — говорили все. — Какой узор! Какие краски! Что за роскошный наряд!

— Ваше величество, внизу вас ждёт балдахин. Его понесут над ва-

ми во время процессии, — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — отозвался король.

— Правда, хорошо сидит?

И он снова повернулся перед зеркалом. Этим он хотел показать, что ещё раз внимательно осматривает свой наряд.

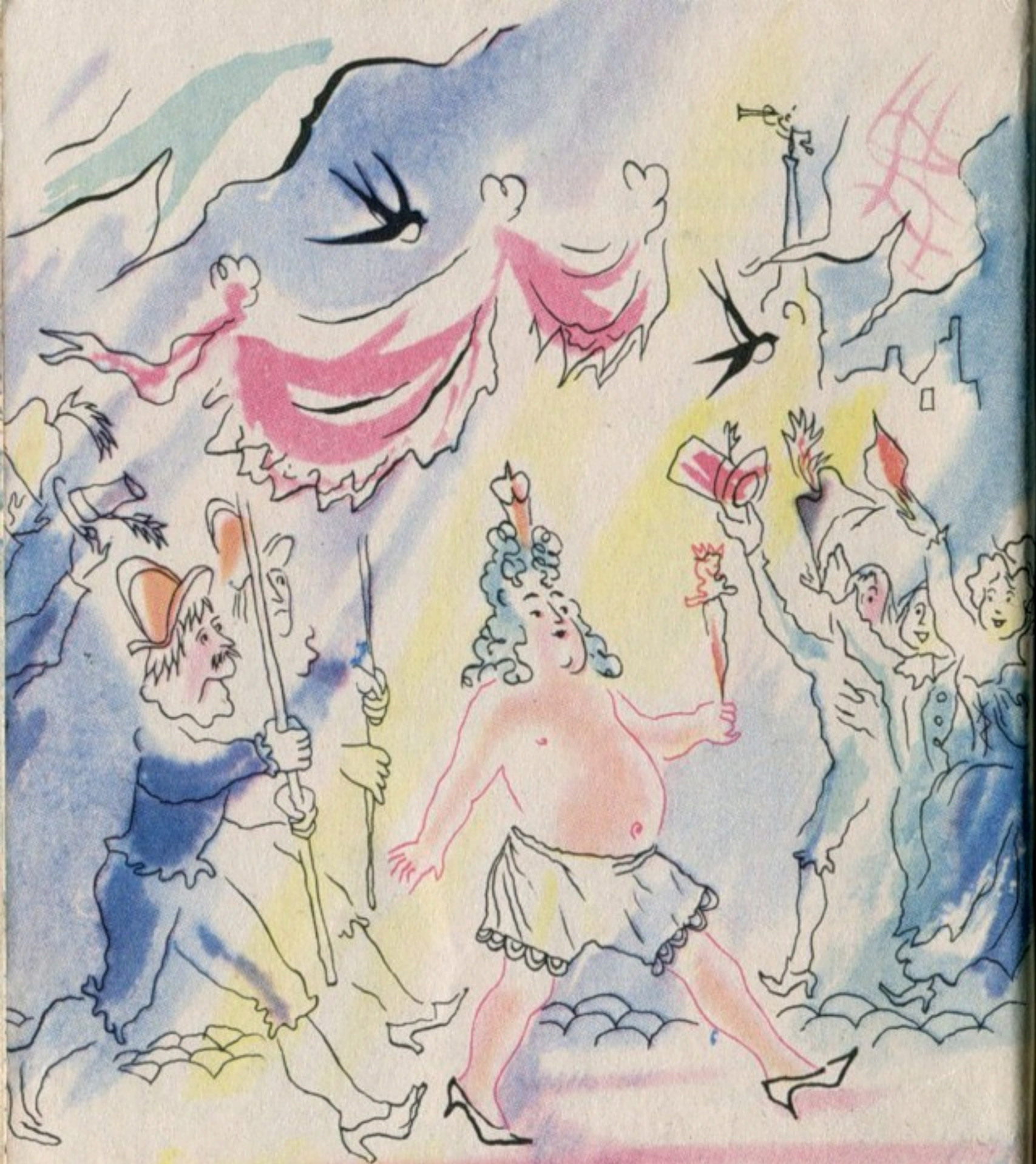
Камергеры, которые должны были нести шлейф, стали хватать руками воздух, делая вид, будто

поднимают шлейф с полу, а следуя за королём, не опускали рук, не желая признаться, что не видят никакого шлейфа.

И вот король шествовал в процессии под роскошным балдахином, а все люди, стоявшие на улицах и смотревшие из окон, говорили:

— Боже, как оно красиво, это

новое платье короля! Как оно хорошо сидит! Какой чудесный шлейф у мантии!

Ни один человек не хотел признаться, что ничего не видит, опасаясь, как бы не подумали, что он

не справляется со своими служебными обязанностями или слишком глуп. Ни одно из платьев короля не имело такого успеха.

— Но ведь он голый! — воскликнул вдруг один ребёнок.

— Послушайте-ка, послушайте, что говорит невинное дитя! — сказал его отец; и все стали шёпотом передавать друг другу слова ребёнка.

— А король-то голый! Ребёнок говорит, что на нём ничего нет!

— На нём ничего нет! — закричал, наконец, весь народ.

Король содрогнулся — ему показалось, что люди правы, однако он всё же решил довести церемонию

до конца. И он принял ещё более гордый вид, а камергеры шли за ним следом, притворяясь, будто несут шлейф, хотя на самом деле никакого шлейфа не было.

Ц Е Н А 27 коп.

